

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЕСТЕТИКИ ТА ПОЕТИКИ ЛІТЕРАТУРНОГО ТВОРУ

УДК 821.161.1.0 – 312.6. – 057.72
DOI: 10.32342/2523-4463-2018-2-16-12

Е.С. АННЕНКОВА,
*доктор филологических наук,
профессор кафедры мировой литературы и теории литературы
Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова (г. Киев)*

МЕТАМОРФОЗА ЖАНРА АВТОБИОГРАФИИ В ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В статье анализируется феномен жанра автобиографии в прозе русских писателей первой волны эмиграции; акцентируется внимание на причинах, признаках и основных векторах модификации автобиографического романа, который рассматривается в свете современных концепций жанра автобиографии С. Дубровского, Ф. Лежена, В. Колонна, П. де Мана.

Ключевые слова: автобиография, автобиографический нарратив, автобиографическая проза, автофикшн, автобиографема.

У статті аналізується феномен жанру автобіографії в прозі російських письменників першої хвилі еміграції; акцентується увага на причинах, ознаках та основних векторах модифікації автобіографічного роману, який розглядається у світлі сучасних концепцій жанру автобіографії С. Дубровського, Ф. Лежена, В. Колонна, П. де Мана.

Ключові слова: автобіографія, автобіографічний нарратив, автобіографічна проза, автофікшн, автобіографема.

Бурное и трагическое начало XX в. активизировало развитие такого уникального и неканонического явления, как художественная автобиография, с наибольшей полнотой реализовавшего свой потенциал в сложные эпохи культурно-исторических трансформаций, катастрофических и решающих изменений жизни целых поколений, народов и государств. Октябрьский переворот 1917 г. для России оказался тем судьбоносным событием, которое разорвало саму «ткань жизни» (Н. Арсеньев) русского общества и стало глобальным онтологическим рубежом для всех представителей русской культуры. Особенно драматически складывались судьбы тех из них, кто решил покинуть родину, не видя для себя возможности жить и творить в изменившейся до неузнаваемости стране, в стране, в которой с циничной жестокостью истреблялись интеллигенция и духовенство, унижалось человеческое достоинство, уничтожалась культура и подавлялись любые проявления свободной мысли.

Писатели-эмигранты в своем новом жизненном опыте глубоко переживали свою оторванность от родных корней и чувствовали себя за границей состоящими не «в жизни», а «при жизни» (Б. Зайцев), однако именно тяжесть и горечь их положения придавали им особенные силы писать, а годы изгнания воспринимались как время покаяния и более глубокого понимания бытия. Необходимость осознать произошедшее с ними и с их родиной, ностальгия по России и былому укладу жизни, новые откровения, приобретенные через

трагический личный опыт и трагическую судьбу страны и народа, потребность сохранить и выразить в слове образ исчезнувшей России и приобрести самого себя, растерзанного и восставшего из пепла, и свою жизнь вновь, проговорив ее в сотворенном памятью и художественным словом тексте, – вот те причины, которые обусловили такой беспрецедентный всплеск мемуарно-автобиографического жанра в среде эмигрантов первой волны русской эмиграции, при чем автобиографии и мемуары стали писать представители самых разных сфер деятельности. Среди многих следует назвать автобиографическое повествование профессионального военного, политика и писателя-публициста А. Деникина «Путь русского офицера», митрополита Ант. Сурожского «Отец земной» и «Отец небесный», философа Н. Бердяева «Самопознание (Опыт философской автобиографии)» и, конечно же, самые яркие произведения профессиональных писателей: «Жизнь Арсеньева» И. Бунина, «Времена» М. Осоргина, «Юнкера» А. Куприна, «Путешествие Глеба» Б. Зайцева, «Солнце мертвых» и «Лето Господне» И. Шмелева, «Подстриженными глазами. Книга узоров и закрут моей памяти» А. Ремизова, «Другие берега» В. Набокова, «Пролог» Г. Кузнецовой.

Русская литература в эмиграции превратилась в литературу «человеческого документа», так как острой была необходимость запечатлеть опыт «случайноличный» (Л. Червинская), который в то же время был понятен и знаком многим, ибо насущной была потребность рассказать о «внутреннем человеке» (В. Варшавский), живущем в трагический момент как своей личной, так и общечеловеческой истории. Пограничная ситуация эмпирической экстерриториальности, в которой с такой напряженной силой проявлялись самые противоречивые тенденции притяжения и отталкивания, закрытости и одновременно открытости старым и новым культурно-лингвистическим кодам, потери себя и самообретения, максимально соответствовала глубинной гибридности жанра автобиографии, на котором и сосредоточимся в рамках данной статьи. Речь пойдет не о «человеческом документе» с его особой акцентуацией документальной основы, что характерно для эмигрантской прозы 1930-х гг., для прозы младоэмигрантов, а об автобиографических произведениях писателей в основном старшего поколения русской эмиграции, для которых слишком живой и крепкой оставалась связь с родной культурой и в силу ряда причин оказались редуцированными отношения с новой литературной средой.

Под пером И. Бунина, Б. Зайцева, М. Осоргина, А. Ремизова, И. Шмелева, В. Набокова, Г. Кузнецовой осуществлялось обновление романной формы, происходила качественная метаморфоза жанра автобиографии, в котором существенно изменились (со)отношения фактуального и фикционального, отношения с читателем и характер самой автобиографической прозы. Все это нашло свое проявление в авторефлексивности письма и лирической доминанте прозаического повествования, в его хронотопе, в котором совмещались пласты прошлого, детства и юности, и их осознание с позиции приобретенного настоящего опыта, в писательской интенции к стиранию границ между жизненной, биографической, и романной реальностью, в своеобразном акте автомифотворчества и в особенном эстетическом языке, языке памяти с ее комплексом ассоциаций и aberrаций, в каждом случае оригинальном, с помощью которого становилось возможным преобразование фактов реальной жизни в художественный текст, центрировала который, как правило, формирующаяся личность художника.

Важной общей особенностью выше упомянутых произведений было также и то, что все они принадлежали перу писателей-традиционалистов, которые относили себя к носителям и продолжателям традиции русской классической литературы, однако при этом именно в их творчестве эксплицируется утонченная и естественная конвергенция реалистической и модернистской манеры письма. Сближение реалистической и модернистской поэтики происходит в жанре автобиографического романа, проявляясь в повышенном субъективизме отображения и рефлексии как историко-бытовой внешней реальности, так и событий духовно-ментальной сферы внутреннего бытия индивидуума, в специфическом развертывании автобиографического нарратива, когда в процессе письма фикционализуются идентичность автора и нарратора, и протагониста, и собственный жизненный опыт автора-творца или его отдельные сюжеты и мотивы с помощью особого мемориального языка, многосложной интерференции жизненного и художественного дискурсов, в которых актуализируется автобиографический «тезаурус жизни» (М. Эпштейн) писателя. Этот

«автобиографический тезаурус» становится узнаваемым через репродукцию и репликацию константных и доминантных для художественного мира писателя автометаописаний, авторефлексивных фрагментов и автобиографем, проявленных в автобиографическом повествовании и нашедших в нем свою концептуализацию. Следует отметить в связи с элементами модернистской поэтики в автобиографических текстах указанных авторов и присутствующую им нелинейность письма, некоторую ненарочитую трансформацию хронологической модели традиционного автобиографического повествования при сохранении его общепринятых формул (рождение, родители, детские впечатления, учеба в гимназии и т.д.), акцентируемую избирательность памяти, которая отбирает жизненный материал и преобразует его в особый автобиографический синтезированный узор жизни и творчества, насыщенный субъективно-эмоциональными рефлексиями.

Лучше понять природу модифицированного жанра автобиографии в русской эмигрантской прозе помогут современные подходы к данному вопросу, выработанные зарубежными и отечественными учеными в процессе серьезных дискуссий. В последнее время литературоведы все больше внимания уделяют проблемам художественной автобиографии и говорят уже не только о лингвистическом, но и «автобиографическом повороте» в литературе и культуре рубежа XX–XXI вв. **Подобная активизация интереса к автобиографиям** связана с принципиальными изменениями в парадигме гуманитарного знания, вызванными недоверием к традиционным мировоззренческим установкам, «метанарративам» (Ж. Лиотар), повышенным вниманием к истории и теории субъективности, обусловленным возрастающей необходимостью осмыслить сложнейшие процессы становления человеческого «я» с позиций сегодняшнего дня и во всеоружии современных социогуманитарных практик. «Время переосмысления» (Р. Портер) истории автобиографической литературы породило большое количество разных, отличных от классических, новых теоретических концепций, позволяющих усовершенствовать практику ее исследования, и одновременно их аналитических рефлексий, чему посвящают свои работы такие авторитетные исследователи автобиографий, как: Ф. Гаспарини, Ж. Гусдорф, С. Дубровский, В. Колонна, Ф. Лежен, П. де Ман, Дж. Олни, Р. Паскаль, Ж. Старобински, Г. Янке, М. Бахтин, Т. Бовсуновская, Е. Болдырева, Л. Гинзбург, Ю. Гончарова, Ю. Зарецкий, Н. Николина, Ю. Михеев, И. Савкина, А. Тартаковский, Е. Черноиваненко и мн. др.

Серьезная полемика вокруг автобиографии возникла в европейском научном сообществе в конце 1970-х гг., чему предшествовала вышедшая в 1956 г. статья французского философа Ж. Гусдорфа «Условия и границы автобиографии». Она актуализировала интерес к автобиографии как литературному жанру, который, с точки зрения ученого, возникает в западной культуре вследствие зарождения в человеке чувства собственной неповторимой и самоценной индивидуальности и является одним из способов самопознания через самописание. Сам Ж. Гусдорф отмечал заложенное в жанре противоречие: с одной стороны, автобиография должна быть референциальной и соответственно объективной, с другой, субъективность повествования предопределяется позицией автора, который рассказывает о событиях прошлого с позиции сегодняшнего дня. Таким образом, ученым были сформулированы главные проблемные вопросы жанра, касающиеся, во-первых, присутствия фактуального и фикционального в таких текстах, что не позволяет отнести их однозначно либо к художественной, либо к документальной литературе, и, во-вторых, референциальности субъекта, сложной репрезентации «я» и автора, и нарратора, и протагониста.

На эти и другие вопросы в 1975 г. дал более чем четкий ответ французский историк и структуралист, основатель «Автобиографической ассоциации», авторитетный специалист по автобиографиям Ф. Лежен. В статье «Автобиографический договор» он строго отграничил беллетристику от автобиографии, сформулировав идею сразу о двух пактах, «автобиографическом» и «романном», который заключается автором с читателем, играющим здесь ведущую роль. В настоящих автобиографиях, настаивал ученый, соблюдаются одновременно четыре главные условия, всегда присутствующие в тексте, но в большей или меньшей степени: повествование должно быть прозаическим («**narrative**», «**in prose**»), **ретроспективным («retrospective point of view»)** и **рассказывающим личную историю («individual life**», «**story of personality**»), а **автор и нарратор, как нарратор и протагонист, должны быть идентичными («the author (whose name refers to a real person) and the narrator are**

identical); «the narrator and the principal character are identical»). Автобиография не предполагает двусмысленности: «Здесь не может быть переходов и широты взгляда. Или идентичность есть или нет» [8]. Таким образом, Ф. Лежен со всей бескомпромиссностью, по верному замечанию М. Левиной-Паркер, «вывел теоретическую норму автобиографии» [7]. Образцами подобной «теоретической нормы» жанра автобиографии могут послужить многочисленные автобиографические заметки, созданные русскими писателями в годы изгнания, например, автобиографические заметки И. Бунина и Б. Зайцева, написанные ими в качестве ответов на вопросы анкет журналов и газет и для разных изданий их собраний сочинений, «Автобиография» И. Шмелева, написанная по просьбе С. Венгерова после большого успеха повестей «Гражданин Уклекин» и «Человек из ресторана» и признания его авторитетными русскими писателями состоявшимся художником. В этих автобиографиях преобладают документальность и публицистичность, предполагающие идентичность автора и нарратора и соответствие «автобиографическому пакту», заключенному между читателем и автором, при котором читатель соглашается воспринимать прочитанное как достоверную реальность, они написаны эмоционально нейтральным языком и рассказывают о прошлом писателей «в свете настоящего зримого сознания» (М. Бахтин) с минимальным количеством дат, но с максимальной концентрацией на тех фактах и событиях, которые проявляли и повлияли на формирование именно творческо-художественной стороны их индивидуальности.

Однако стоит назвать «Жизнь Арсеньева», «Путешествие Глеба», «Другие берега», «Солнце мертвых» и некоторые другие автобиографические повествования, как сразу же возникает понимание того, что от исходного жанра они существенным образом отличаются. Известно, что, например, В. Набоков настаивал на автобиографическом характере своего текста, хотя фикциональные приемы в нем выражены открыто, М. Осоргин сам дал подзаголовок своим «Временам» «Автобиографическое повествование», тогда как И. Бунин всегда отрицал автобиографичность «Жизни Арсеньева», утверждая, что пишет именно роман, и такая «протеистичная» природа бунинского произведения дала возможность В. Ходасевичу прямо определить его как «вымышленную» автобиографию или «автобиографию вымышленного лица». Опыт художественной автобиографии, реализованный Г. Кузнецовой в романе «Пролог», известный русский литературный критик П. Бицилли назвал блестящим «обновлением формы автобиографического романа» [6, с. 277], а Б. Зайцев в заметке «О себе» так охарактеризовал свое «Путешествие Глеба»: «Это история одной жизни, наполовину автобиография – со всеми и преимуществами, и трудностями жанра» [4, с. 591]. Современная исследовательница Л. Бронская, анализируя автобиографические повествования писателей русского зарубежья, также отмечала, что они формировались как автобиографические произведения «нового типа».

Думается, что все эти достаточно точные ощущения художественной неординарности и новизны жанра не имели атрибутивной точности, нехватку которой восполнил французский писатель и теоретик литературы С. Дубровский, предложивший в 1977 г. новую концепцию автофикшн. Он не только расшатал строгую теорию жанра автобиографии Ф. Лежена своими теоретическими выкладками, но и сами эти заключения основывались на художественной практике С. Дубровского, став предисловием к его роману «Сын», в котором он высказал мнение о собственных инновациях, проявленных в данном тексте: «Перед вами – вымысел абсолютно достоверных событий и фактов; если угодно, автофикшн [autofiction], доверивший язык авантюры авантюре языка, за пределами синтаксиса романа, будь то традиционного или нового» [цит. по: 7]. Он прямо заявил о возможности сочетания несочетаемого и, что важно, об осуществимости баланса, гармонии фактуального с фикциональным, реального с вымышленным в гибридном явлении, которое он назвал автофикшн и которое подтверждалось его нарративной практикой, где он, как и другие авторы подобного рода самоописаний, попытался «вновь поймать и пересоздать в тексте пережитый опыт, свою собственную жизнь, при этом не создавая ее репродукцию или фотографию» [цит. по: 7]. С. Дубровский как писатель и одновременно критик утверждал «истинность референциального регистра» (С. Дубровский) своего текста, хотя и понимал иллюзорность подобной миметичности, ведь реконструкция жизненного опыта осуществляется в процессе писания текста, когда происходит неизбежная его интерпретация и реф-

лекция, реализуемые с помощью использования психоаналитических методов экспликации бессознательного дискурса в повествовании, проявляющихся непосредственно в языке, в особой природе «лингвистического кода», в специфических ассоциативных механизмах, позволяющих сочетать правду автобиографии как документального, референциального свидетельства с вымыслом романа.

Представляется, что обновление формы автобиографического романа в литературной практике писателей первой волны русской эмиграции заключалось в этом удивительно гармоничном сочетании несочетаемого, когда авторы себя как реальное лицо превращали в вымышленный субъект, присутствующий в тексте и балансирующий на грани реального и фикционального, а факты своей биографии преобразовали с помощью письма-Памяти и цепочки ассоциативных конфигураций в текст своей жизни. Так из «обрывков прошлого» (М. Осоргин), из далее невозвратимого и райски прекрасного детства, из «водяного знака», видимого и понятного лишь в свете искусства (В. Набоков), из глубин родовой, генетической Памяти, из «бесконечности времени и пространства» (И. Бунин) складывался неповторимый «узор» личностного бытия, в отдельных случаях вырастающий в феномен модернистского автобиографического метатекста, с помощью которого осуществлялись чаемые самообретение и самоидентификация, дающие творческой личности, пишущему субъекту ощущение полноты человеческого «я» и осознание собственной уникальности. Для этого и создавался автором-творцом образ Другого, через которого он мог себя понять и принять, упорядочив и осмыслив себя-реального в себе-написанном, а значит уже в Другом, преображенном приращенными индивидуальными ментально-психологическими смыслами, мемориальными импульсами, эмоциональными оценками и лингвистическими конструкциями, с помощью которых субъект в тексте оказывался соотнесенным с персональным жизненным опытом автора, личностью автора и с именем, указанным на титуле книги.

Думается, что именно в лингвистическом и тропеическом аспекте теории автофикшна С. Дубровского можно обнаружить некоторую близость к идеям американского философа Пола де Мана, который, в отличие от Ф. Лежена, также сомневался в миметичности и референциальности автобиографии и посвятил специфике этого жанра работу «*Autobiography as De-Facement*», где «*De-Facement*» исследовательница Ю. Гончарова предлагает перевести как «обезличивание, стирание лица» [2, с. 143], что обнажает парадоксальность явления, в котором заявленная референциальность утрачивается. П. де Ман утверждал необходимость отбросить традиционные подходы к пониманию автобиографии как тождества указанного на обложке автора и нарратора и/или протагониста в тексте, видя основную особенность ее поэтики как раз в обращении к прозопопее, к одному из распространенных видов метафоры, к тропу, позволяющему сделать имя собственное, имя протагониста в тексте, художественным образом, являющимся зеркальным отражением автора. Акцентируя постмодернистскую проблему имени собственного и подписи, автора текста и образа, явленного в тексте, П. де Ман говорит о «зеркальной паре», об авторе текста и авторе в тексте, отношения которых рождают автобиографический образ, плод опять-таки особого «пакта», которым создатель автобиографии может «заявить о себе как о субъекте, рожденном письмом» [2, с. 148] в том числе и в глазах читателя. А первым читателем текста оказывается сам автор, который его писал и одновременно читал. Это же интересное наблюдение сделал и Ж. Деррида, полагавший, что автор познает себя через образ, созданный в тексте: «рассказ <...> авто-биографичен не потому, что подписывающий пересказывает свою жизнь, возврат к своей прошедшей жизни как жизнь, а не смерть; но потому, что жизнь эту он пересказывает себе, он является первым, если не единственным адресатом повествования. Прямо в тексте» [3, с. 57]. Таким образом, имя автора в виде подписи на обложке прочитывается лишь как «след» (Ж. Деррида), то есть «слово теряет свою непосредственную связь с обозначаемым, с референтом, или, как выражается Деррида, со своим «происхождением»» [5], позволяя естественным образом творить самописание на грани вымысла и автобиографической правды, не различая и размывая границы игры ума и воображения и факта. Грань эта, «кромка», как замечает Ю. Гончарова, мыслится Ж. Деррида «как пространство, где пересекаются биологическое, биографическое, *аутос* автобиографического, танатологическое и танатографическое» [2, с. 149], и на этом пересече-

нии и трансгрессии смыслов возникает тот «гибридный» текст, на рубеже автобиографического и фикционального, о котором писала Л. Гинзбург: «Иногда лишь самая тонкая грань отделяет автобиографию от автобиографической повести или романа» [1, с. 137]. Исследовательница в своей знаменитой работе «О психологической прозе», опубликованной в 1971 г., еще не дала определения этого «промежуточного» явления, «ускользавшего от канонов и правил» и имевшего «интимное отношение к читателю» [1, с. 137], однако спустя уже несколько лет, как уже было сказано, С. Дубровский назвал его автофикшн, покрыв им не только постмодернистские, но со временем и модернистские автобиографические повествования, и зафиксировал их особый жанровый статус, в котором «автофикшн функционирует <...> в беспрестанном колебании, в пространстве, невозможном и неуловимом ни где, кроме развертывания текста» [цит. по: 7].

Безусловно, в понятии «автофикшн» С. Дубровского присутствует интеллектуальная провокационность, но эффективность его не менее очевидна. Понятие дало четкое обозначение ранее неопределенному, но широко распространенному жанру автобиографического романа (повести, рассказа, очерка) и сгенерировало возникновение не менее значимой концепции автофикциональных текстов, сформулированной в 1989 г. французским ученым В. Колонна. Смысл ее состоит в том, что автор автофикшн отходит от достоверных фактов своей жизни, полностью изобретая и олитературивая себя, свою жизненную историю, при этом «сохраняя свою реальную личность (свое подлинное имя)» [цит. по: 7]. Выводя автофикшн за пределы модернистской и постмодернистской литературы, он усматривает в ней извечную, древнюю потребность человеческой индивидуальности в самовыражении и свободе. В. Колонна полагает, что самосочинение определяет историю литературы, ибо «скрывается в сердцевине всякого художественного творчества» [цит. по: 7] и его можно обнаружить в любой культурно-литературной эпохе, просто каждый раз самосочинения варьируются, совершенствуются и обновляются, в наше время достигнув особенно замысловатых форм в различных постмодернистских экспериментах автобиографического характера. Французский ученый в огромном корпусе европейских самосочинений выделяет четыре главные разновидности, среди которых «биографическое самосочинение» как сохраняющее наибольшую связь с реальными жизненными фактами автора, переосмысливаемыми им для моделирования своего «я», максимально приближено к пониманию автофикшн С. Дубровского (что также подтверждает продуктивность его концепции), хотя В. Колонна считал последнего своим оппонентом и справедливо утверждал оригинальность собственной концепции самосочинения, в чем его поддерживал и сам С. Дубровский, настаивая на том, что в автофикшн автор не выдумывает себя, а «творит» язык, с помощью которого проявляется «self» сочинителя, происходит его самоидентификация. Бурные дискуссии в среде ученых об автобиографии и разделение исследователей на сторонников теории С. Дубровского и последователей концепции В. Колонна свидетельствуют об общей тенденции современных филологических практик к выходу за собственные пределы, к смешению противоположностей, что стимулируется кризисом традиционных схем и подходов и связанным с этим уже происходящим обновлением терминологического аппарата в области автобиографии (от дефиниции жанра до понятий, связанных с автором, нарратором и протагонистом), расширением поля изучения истории автобиографии, когда внимание исследователей обращается к достаточно репрезентативному материалу восточных письменных традиций, также имеющих свои автобиографические тексты.

Возвращаясь к автофикциональным романам русских писателей-эмигрантов, важно отметить еще одну их значительную особенность. Помимо интенции к самоидентификации, создатели всех этих автобиографических нарративов имели целью также поделиться своим внутренним индивидуальным опытом с определенной социальной средой, которой данный жизненный опыт был бы понятен и адекватно воспринят, то есть эти произведения создавались в конкретных культурно-исторических контекстах, что позволяет рассматривать их как результат не только онтологического и ментально-психологического опыта, но и социальной практики их творцов. Поэтому автофикциональные произведения русских писателей были интересны и вняты не только собратям по перу, но и широкой эмигрантской читательской аудитории, которая узнавала в них самую дорогую часть их жизни – оставленную в невозвратном прошлом Россию, ее землю, пейзажи, народ, рели-

гию, историю и культуру. И автобиографический «след» в этих самосочинениях сохраняет свою силу не только благодаря тому, что рассказывают они об уникальном опыте становления творческой личности писателя, но и благодаря тому неподдельному, обусловленному любовью к утраченной родине повышенному лиризму, в котором с наибольшей полнотой раскрываются душа и стиль каждого из авторов, ведь все написанное ими на чужбине, как верно выразился Б. Зайцев, «выросло из России, лишь Россией и дышит» [4, с. 590].

Таким образом, рассмотренные автофикциональные романы русских писателей-эмигрантов сохраняли антропоцентричность классического русского автобиографического романа с его выраженной интенцией к сохранению онтологической и ментально-психологической соотнесенности с реальным человеческим «я», однако творились они в качественно иной культурно-исторический период и в новых культурно-литературных условиях, усугубленной ситуацией эмпирической экстерриториальности. Автобиографические произведения русских писателей первой волны эмиграции претерпели естественную модификацию жанра автобиографии и запечатлели в своих лучших образцах уникальный духовно-нравственный и онтологический опыт не только индивидуально-личный, но и целой нации и страны, культура которой была сохранена в их слове для будущих поколений. Сложность жанра автобиографии и многообразие его проявлений в индивидуально-художественных практиках русских писателей открывает широкие перспективы для его дальнейшего исследования как в плане изучения присутствия / отсутствия автобиографического модернистского метатекста в их творчестве, так и в аспекте изучения автофикциональных текстов русских писателей-эмигрантов в широких культурно-исторических и социальных контекстах.

Список использованных источников

1. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе / Л. Гинзбург. – Л.: Художественная литература, 1977. – 450 с.
2. Гончарова Ю.С. Концепция автобиографии как «стирания лица» П. де Мана в контексте дискуссий о кризисе идентичности / Ю. Гончарова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nzl_2011_1%283%29__20 (дата обращения 16.09.2018).
3. Деррида Ж. Отобиографии: Учение Ницше и политика имени собственного / Жак Деррида; пер. с фр. В. Лапицкого. – СПб.: Академический Проект, 2002. – 106 с.
4. Зайцев Б.К. О себе / Б.К. Зайцев // Собрание сочинений: В 5 т. – М.: Русская книга, 1999. – Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. – 624 с.
5. Ильин И.П. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм / И. Ильин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Ilin_Post/index.php (дата обращения 16.09.2018).
6. Кузнецова Г. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / Г. Кузнецова. – М.: Московский рабочий, 1995. – 410 с.
7. Левина-Паркер М. Введение в самосочинение: autofiction / М. Левина-Паркер // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 103 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/le2.html> (дата обращения 16.09.2018).
8. Lejeune Ph. The Autobiographical Contract / Ph. Lejeune [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.scribd.com/document/221471187/Philippe-Lejeune-the-Autobiographical-Contract> (дата обращения 16.09.2018).

METAMORPHOSIS AUTOBIOGRAPHY GENRE IN THE PROSE OF THE FIRST WAVE OF RUSSIAN EMIGRATION WRITERS

Elena S. Annenkova, National Pedagogical Dragomanov University (Ukraine). E-mail: aes.kyiv@gmail.com

DOI: 10.32342/2523-4463-2018-2-16-12

Key words: *autobiography, autobiographical narrative, autobiographical prose, autofiction, autobiographeme.*

Recently literary critics pay more and more attention to the artistic autobiography problems, which are connected with the principal changes in paradigm of contemporary humanistic knowledge.

Artistic autobiography had developed especially strongly as unique and non-canonical genre in the 20th century, which was related with tragic cataclysms of this complicated epoch of global cultural and historic transformations. 1917th October revolution turned out to become that fateful event which had teared so called Russian society "cloth of being" and had become ontological frontier for all Russian culture representatives. Causes, which had determined unexampled splash of memoir-autobiographical genre in the entourage of the first wave Russian emigrants writers, were on the fact that emigrated Russian writers tended to realize happened to them and to their motherland occasions, they were living through the nostalgia after Russia and felt the need in saving and expressing in words the image of disappeared Russia and to find themselves and their life again, having spoken it in the created by memory and artistic word text.

Purpose of this article is the consideration of elder Russian emigration generation writers' autobiographical works in the light of contemporary autobiographical genre theory of S. Doubrovsky's, Ph. Lejeune's, V. Colonna's, P. de Man. Scientific originality of this research consists of it.

Analyze has shown that from I. Bunin's, B. Zaytsev's, M. Osorgin's, A. Remizov's, I. Shmelv's, V. Nabokov's, G. Kuznetsova's pen the renovation of novel form was occurring, quality autobiography genre metamorphose was going on, in which (co)relation of factual and fictional, relations with the reader and the character of autobiographical prose had changed cardinally. In 1970 G. Gusdorf formulated the autobiographical genre problematic questions, what has burned scientific discussion, in which S. Doubrovsky's, Ph. Lejeune's, V. Colonna's, P. de Man were involved during last decades of the 20th century. If Ph. Lejeune formulated the master requirements to the autobiographical genre, then S. Doubrovsky created the concept of the new hybrid genre – autofiction, in which it is possible to combine the truth of autobiography as documental, referential evidence with the novel fiction with the help of the special «linguistic code» and specific associative mechanisms. Original autobiographical narration traits of Russian emigrant writers (convergence of realistic and modernistic elements of poetry; autoreflexivity of writing; lyrical dominant of prosaic narration; chronotope, in which layers of the past, childhood, youth and awareness of them from the position of the acquired real experience were combined; writer's intention to erasing the boundaries between life, autobiographical and novel reality; peculiar act of automythcreation and special esthetic language of memory with its complex of associations and aberrations) correlate with the features of autofictional genre, about which S. Doubrovsky wrote. It is thought that exactly in the linguistic and figurative meaning aspects of autofiction theory of S. Doubrovsky some closeness to P. de Man, who said about «mirror couple», about the author of the text and the author in the text, relations of who born autobiographical image. Autofictional V. Colonna's texts concept also reflects its closeness to the theory of S. Doubrovsky, especially in the aspect of «biographical self-writing», which saves the greatest connection with the real life author's facts, rethought by him for moderation of himself.

So, upgrade of autobiographical novel form in the first wave of Russian emigration writers literary practice was in this astonishing harmonic union of not uniting objects, when the authors as real faces turned into fictional subject, that exists in the text and walking on the edge of real and fictional, when facts of their biography transformed with the help of the writing-Memory and the chain of associative configurations in the text of own life. Russian writer-emigrants' autofictional novels saved anthropocentricity of classical Russian autobiographical novel with its outspoken intention to saving of ontological and mental-psychic correlation with the real human «self», however there were creating in the qualitatively another cultural-historical period and in the new cultural-literary conditions, worsen by the situation of empirical extraterritoriality. Russian first wave emigration writer's autobiographical writings have changed natural modification of autobiographical genre and have captured in their best samples unique mentally-moral and ontological experience not only individually-personal, but also the whole nation and country, culture that has been saved in their word for the future generations.

References

1. Ginzburg, L.J. *O psikhologicheskoy prose* [About Psychological Prose]. Leningrad, Hudozhestvennaja literatura LO Publ., 1977, 450 p.
2. Goncharova, J.S. *Concepcija avtobiografii kak "stiraniya lica" P. De Mana v kontekste diskussij o krizise identichnosti* [Paul de Man's conception of autobiography as de-facement in the context of discussions about the crisis of identity]. Available at: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nzl_2011_1%283%29__20 (Accessed 16 September 2018).
3. Derrida, J. *Otobiografii: Uchenije Nietzsche I politika imeni sobstvennogo* [Otobiographies: the teaching of Nietzsche and politics of the proper name]. Saint Petersburg, Academicheskij Proekt Publ., 2002, 106 p.
4. Zaytsev, B. *O sebe* [About myself]. *Sobranie sochinenij: V 5 tomah* [The complete edition: In 5 volumes]. Moscow, Russian kniga Publ., 1999, vol. 4 *Puteshestvije Gleba: Avtobiograficheskaya tetralogija* [Gleb's Journey: autobiographical tetralogy], 624 p.

5. Il'in, I.P. *Poststructuralizm, deconstructivizm, postmodernism* [Poststructuralism, deconstructivism, postmodernism]. Available at: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Il'in_Post/index.php (Accessed 16 September 2018).

6. Kuznetsova, G. *Grasskii Dnevnik. Rasskazy. Olivkovyj sad* [The Grasse Diary. Stories. Olive Orchard]. Moscow, Moscovskij rabochij Publ., 1995, 410 p.

7. Levina-Parker, M. *Vvedenie v samosochinenie: autofiction* [Introduction to self-work: autofiction]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Review], 2010, no. 103. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/le2.html> (Accessed 16 September 2018).

8. Lejeune, Ph. *The Autobiographical Contract*. Available at: <https://www.scribd.com/document/221471187/Philippe-Lejeune-the-Autobiographical-Contract> (Accessed 16 September 2018).

Одержано 21.09.2018.